

Сказка о Семенѣ-маломъ юношѣ, скоромъ
гонцѣ.

Въ стары годы, старопрежніе,
Въ дальнемъ царствѣ, намъ невѣдомомъ,
Были топи невылазныя,
А дороги непроѣзжныя.
У болотъ у тѣхъ, въ избушечкѣ,
Жилъ да былъ старикъ убогонькій
Со своими тремя дѣтками,
Тремя молодцами добрыми.
Алексѣемъ звали старшаго,
Николаемъ знали средняго,
А послѣдняго прославили
Всѣ Семеномъ-малымъ юношей.

Вотъ надумалъ разъ убогонькій,
Въ пользу люда православнаго,
Черезъ топъ непроходимую
Проложить дорогу прочную,
И прямую, и проѣзжую;
Отвести ключи болотныя,

Заверстать ложбинки малыя,
Черезъ окнища-же глубокія
Намостить мосты кленовые.
На работу сталъ онъ съ дѣтками.
И по долгомъ, долгомъ времени,
Черезъ топь прошла дороженька
Со мостами со кленовыми.

Воротясь домой, убогонькій
Посылаетъ сына старшаго:
— „Ты поди подъ мостъ, да выслушай
„Чѣмъ за нашу за дороженьку
„Насъ помянутъ люди добрые“.
Алексѣй приказъ родительскій
Въ тотъ-же часъ исполнилъ въ точности.
Вотъ мостомъ идутъ два странника,
Старички бѣлобородые,
Говорятъ довольнымъ голосомъ:
— „Дай Господь тому, кто выстроилъ
„Этотъ мостъ да путь дороженьку,
„Въ томъ, чего у Бога выпросить, —
„Въ ту-жъ минуту исполненія.“
Алексѣй, ту рѣчь услышавши,
Изъ засады мигомъ выступилъ
И сказалъ имъ, низко кланаясь:
— „Этотъ мостъ да путь-дороженьку
„Строилъ я съ отцомъ да братьями“.

— „Ну, о чемъ попросишь Господа?“

— „Вотъ когда-бы Онъ деньжонками

„На всю жизнь меня пожаловалъ!“

— „Хорошо, инъ будь по твоему:

„Отправляйся въ поле чистое...

„Тамъ увидишь дубъ развѣсистый,

„Подъ тѣмъ дубомъ погребъ каменный,

„Въ погребу-же злато-серебро

„Да каменья самоцвѣтные;

„Рой себѣ да возъ наваливай —

„Денегъ будетъ тебѣ въ волюшку!“

Алексѣй пошелъ, какъ сказано,

Накопалъ богатства всякаго

И домой принесъ родителю,

Разказавъ, какъ все случилось.

Чрезъ день опять убогонькій

Посылаетъ сына средняго:

— „Ты поди подъ мостъ да выслушай,

„Чѣмъ за нашу за дороженьку

„Насъ помянуть люди добрые“.

Николай приказъ родительскій

Въ тотъ-же часъ исполнилъ въ точности.

Вотъ мостомъ идутъ два странника,

Старички бѣлобородые,

Говорятъ довольнымъ голосомъ:

— „Дай Господь тому, кто выстроилъ

„Этотъ мостъ да путь-дороженьку,
„Въ томъ, чего у Бога выпросить,
„Въ ту-жъ минуту исполненія!“
Николай, ту рѣчь услышавши,
Изъ засады мигомъ выступилъ
И сказалъ имъ, низко кланяясь:
— „Этотъ мостъ да путь-дороженьку
„Строилъ я съ отцомъ да братьями“.
— „Ну, о чемъ попросишь Господа?“
— „Вотъ когда меня-бы хлѣбушкомъ
„На всю жизнь Господь пожаловалъ!“
— „Хорошо, инъ будь по твоему:
„Воротись домой да новину
„Распаши, засѣй потщательнѣй, —
„Хлѣба будетъ тебѣ въ волюшку!“

Николай отцу все передалъ,
Цѣлину вспахалъ матерую
И засѣялъ ее озимью.

Черезъ день опять убогонькій
Посылаетъ сына младшаго:
— „Ты поди подъ мостъ да выслушай,
„Чѣмъ за нашу за дороженьку
„Насъ помянуть люди добрые“.
Сѣлъ Семень подъ мостъ и слушаетъ...
Вотъ по немъ идутъ два странника,
Старички бѣлобородые,

Говорятъ довольнымъ голосомъ:

— „Дай Господь тому, кто выстроилъ

„Этотъ мостъ да путь-дороженьку,

„Въ томъ, чего у Бога выпросить,

„Въ ту-жъ минуту исполненія!“

Сенька-малый тотчасъ выступилъ,

Говоритъ имъ, низко кланаясь:

— „Этотъ мостъ да путь-дороженьку

„Строилъ я съ отцомъ да братьями“.

— „Ну, о чемъ попросишь Господа?“

— „А прошу у Бога милости

„Послужить царю въ солдатужкахъ.

— „Вотъ что значитъ младо-зелено!

„Вѣдь въ солдатахъ служба тяжкая:

„Царь Морской тебя въ полонъ возьметъ,

„Будешь слезы лить горючія“.

— „Ахъ вы, старцы, люди старые,

„Развѣ вамъ про то невѣдомо,

„Что кто здѣсь не попечалится —

„На томъ свѣтѣ будетъ плакаться?“

— „Хорошо, инъ будь по твоему!“

Согласились съ нимъ странники, —

И въ оленя быстроногого

Обратили Сеньку-малаго.

Побѣждалъ олень къ избушечкѣ,

Увидали его сродники —

И давай ловить, заманивать.

Повернулъ олень—и къ странникамъ...
Тѣ его, недолго думая,
Обратили въ зайца сѣраго,—
Заяцъ бросился къ избушечкѣ;
Но, увидѣвши, что сродники
Изловить его собираются,
Прибѣжалъ обратно къ странникамъ...
Тѣ его, недолго думая,
Обратили въ птишку рѣзвую, —
Полетѣла птишка къ сродникамъ,
На окно избы усѣлася;
Но, замѣтивши, что сродники
Изловить ее собираются,
Въ тотъ-же часъ вернулась къ странникамъ...
Тѣ ее, опять по прежнему,
Обративши въ Сеньку-малаго,
Говорятъ: — „Ну, въ службу царскую
„Ты иди теперь, не трусивши:
„Коль придется сбѣгать на-скоро —
„Обратись въ оленя рѣзваго,
„Или въ зайца быстроногого,
„А то въ птишку легкокрылую, —
„Этой хитрости ты выученъ“.
Сенька старцамъ благодарствовалъ,
Въ домъ пришелъ, и у родителя
Сталъ проситься въ службу царскую.
— „Ну, куда тебѣ въ солдатшки?“

Возразилъ ему убогонькій: —

„Тебѣ, малому да глупому?“

— „Отпусти, родимый батюшка, —

„Такова знать воля Божія!“

Отпустилъ его убогонькій...

Сенька-малый изготовился,

Обнялся съ отцомъ и братьями

И пустился въ путь-дороженьку.

Долго-ль время шло, коротко-ли,

Подошелъ онъ къ граду стольному,

И, царю явясь прямехонько,

Рѣчь держалъ ему нехитрую:

— „Не вели рубить мнѣ голову,

„А дозволю словечко вымолвить:

„Въ службу я желаю ратную“.

— „Ну, куда тебѣ въ солдатушки?“

Говоритъ ему надежа-царь:

„Тебѣ, малому да глупому!“

— „Хоть я малъ и бѣденъ разумомъ,

„Но надѣюсь, съ Божьей помощью,

„Послужить не хуже всякаго!“

Царь на просьбу Сеньки-малаго

Согласился, — взялъ въ солдатушки

И велѣлъ, чтобъ при лицѣ его

Состоялъ онъ вѣки-вѣчные.

Вотъ прошло немного времени —
И царю король языческій
Объявилъ войну жестокую;
Царь немедля рать великую
Снарядилъ и въ поле выступилъ.
Долго шель съ своимъ онъ воинствомъ,
Много всякихъ странъ повыходилъ.
Вотъ и врагъ уже близехонько —
Дня чрезъ три вступать въ сраженіе.
Тутъ хватился царь, что палицу
И булатный мечъ съ насѣчкою
Позабылъ онъ въ стольномъ городѣ!
Чѣмъ теперь онъ оборонится,
Чѣмъ побѣтъ онъ силу вражую?
Кликнуть кличъ велѣлъ онъ по стану:
„Не возьмется-ли кто на-скоро
„Принести изъ града стольнаго
„Царскій мечъ его и палицу?
„И кто службу эту выполнить —
„Тотъ Марію, дочку царскую,
„За себя возьметъ въ замужество,
„Съ полуцарствомъ ей въ приданое“.
Появились охотники..
Кто три года просить времени,
Кто находить двухъ достаточно,
Кто и въ годъ сходить надѣется;
Сенька-жъ три дня только выпросилъ.

Царь обрадовался, — грамотку
Написалъ царевнѣ-дочери,
Чтобъ гонцу она повѣрила
И оружье ему выдала.
Взялъ Семень цареву грамотку
И пустился въ путь-дороженьку.

Отходя отъ стана ратнаго
Съ полверсты, въ оленя быстрого
Обернулся онъ — и молніей
Припустилъ чрезъ степь широкую.
Долго онъ бѣжалъ — умаялся,
Обратился въ зайца сѣраго,
Во всю прыть понесся заячью;
Поприбивши ножки тонкія,
Обернулся пташкой рѣзвою
И быстрѣе вѣтра буйнаго
Полетѣлъ въ то царство дальнее,
Гдѣ царевна оставалася.

Долетѣвъ туда на завтра-же,
Образъ принялъ человѣческій
И, войдя въ палаты царскія,
Подаль онъ царевнѣ грамотку.
Та прочла и подивилася,
Какъ въ такое время краткое
Могъ земель онъ столько выходить?
— „А вотъ такъ!“ — Семень отвѣтствовалъ;

Вмигъ оленемъ перекинулся
И, побѣгавъ, свою голову
Положилъ царевнѣ на руку;
Та, скорѣе взявши ножницы,
У него клокъ шерсти срѣзала.

Обратившись послѣ въ зайчика
И попрыгавши по горенкѣ,
На колѣни на царевнины
Онъ вскочилъ, головку вытянулъ —
Та ему клокъ шерсти выстригла.

Заяцъ пташкой перекинулся;
Пташка малость покружилася
И на плечико царевнино,
Почирикавши, усѣлася;
А царевна съ птичьей макушки
Яркихъ перышекъ посрѣзала
И затѣмъ и шерсть, и перышки,
Завязавъ въ платочекъ шелковый,
Подъ замокъ къ себѣ припрятала;

Пташка Сенькой обернулася...

Отъ царевны тотчасъ велѣно
Накормить гонца проворнаго,
Напоить виномъ да бражкою
И, отдавъ ему оружіе,
Снарядить въ дорогу дальнюю.
Сенька-малый благодарствовалъ,

Распрощался со царевною
И пустился къ стану царскому.
Побѣжалъ оленемъ матерымъ,
Поскакалъ косымъ зайчишкою,
Полетѣлъ рѣзвуньей пташкою, —
И подъ вечеръ, въ сутки третіи,
Усмотрѣлъ онъ войско царское.
Не дойдя съ версту до лагеря,
Отдохнуть прилегъ онъ у моря,
Подъ большимъ кустомъ ракизовымъ.
Положивши съ боку праваго
Добытые мечъ и палицу,
Крѣпко онъ заснулъ съ усталости.

На тотъ разъ случись по близости
Генералу ѣхать нѣкому;
Увидалъ гонца онъ спящаго
И столкнулъ въ пучину синюю;
Взялъ потомъ оружье царское
И принесть царю, бахваляся,
Что-де онъ „и мечъ, и палицу
„Раздобылъ во стольномъ городѣ, —
„Пустохвалъ-же Сенька-юноша
„Года три еще пробѣгаетъ!“
Генерала царь привѣтствовалъ,
Воевать сталъ съ непріятелемъ —
И надъ нимъ чрезъ время краткое
Одержалъ побѣду славную.

Между тѣмъ Семена-малаго
Царь Морской схватилъ немедленно
И унесъ во глубь бездонную.
Прожилъ годъ онъ тамъ—соскучился,
Слезы лилъ подчасъ горючія;
Царь Морской разъ и спроси его:
— „Ты на русскій свѣтъ не хочешь-ли?“
— „Да, хочу, коль будешь милостивъ!“
Такъ Семень ему отвѣтствовалъ.
Царь Морской глухою полночью
Взялъ его и вынесъ на берегъ,
Самъ-же въ глубь ушелъ бездонную.
Сталъ Семень молиться Господу:
„Дай скорѣе, Боже, солнышка!“
Но заря лишь побагровѣла,
Царь Морской явился къ берегу
И унесъ Семена-малаго.
Прожилъ годъ еще—соскучился,
Чаще плакать приходилося.
Царь Морской разъ и спроси его:
„Ты на русскій свѣтъ не хочешь-ли?“
— „Да, хочу, коль будешь милостивъ!“
Такъ Семень ему отвѣтствовалъ.
Царь Морской глухою полночью
Взялъ его и вынесъ на берегъ,
Самъ-же въ глубь ушелъ бездонную...
Сталъ Семень молиться Господу:

„Дай скорѣе, Боже, солнышка!“

Но лишь на небѣ забрезжило,

Царь Морской явился къ берегу

И унесъ Семена-малаго.

Выжилъ третій годъ — тошнехонько

Отъ тоски подчасъ случалось;

Царь Морской разъ и спроси его:

„Ты на русскій свѣтъ не хочешь-ли?“

— „Да, хочу, коль будешь милостивъ?“

Такъ Семень ему отвѣтствовалъ.

Царь Морской глухою полночью

Взялъ его и вынесъ на берегъ,

Самъ-же въ глубь ушелъ бездонную.

Сталъ Семень молиться Господу:

„Дай скорѣе, Боже, солнышка!“

Вдругъ поднялось солнце красное,

Осіяло всю вселенную;

Царь Морской изъ водной пропасти

Днемъ явиться не осмѣлился,

И Семень отъ плѣна тяжкаго

Волей Божьею избавился.

Въ тотъ-же часъ въ оленя быстрого

Обернулся онъ — и молніей

Побѣжалъ въ родную сторону;

Поскакалъ потомъ зайчишкою,

Полетѣлъ рѣзвуньей-пташкою —

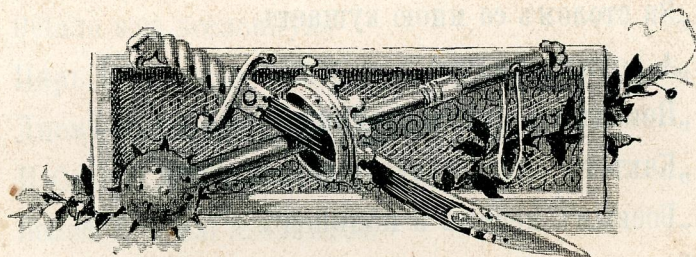
И чрезъ время очень малое

Очутился въ стольномъ городѣ.

А пока все это дѣлалось,
Царь съ войны вернулся радостный
И засваталъ дочь торжественно
За начальника-обманщика.
Входитъ Сенька-малый въ горницу,
Гдѣ женихъ сидѣлъ съ невѣстою...
Та его лишь запримѣтила,
Говоритъ отцу:—„Царь-батюшка!
„Не вели рубить мнѣ голову,
„А дозвожь словечко вымолвить!“
— „Говори, царевна-доченька!
„Что тебѣ такое надобно?“
— „Государь мой, добрый батюшка,
„Мой женихъ — не тотъ, что радышкой
„За столомъ со мною кушаетъ,
„А вотъ этотъ, что пожаловалъ.
„Покажи-ка, смѣлый юноша,
„Какъ ты смогъ сходить за царскими
„Боевымъ мечемъ и палицей“.
Вмигъ Семенъ въ оленя быстрого
Обернулся и, побѣгавши,
Сталъ предъ Марьею-царевною.
Та, платокъ доставши шелковый,
Изъ него влокъ шерсти вынула
И, приставивъ къ мѣсту голому,

Гдѣ ту шерсть она отрѣзала,
Говорить отцу: — „Царь-батюшка!
„Погляди мои примѣточки!“
Вслѣдъ за тѣмъ царевна, выложивъ
Шерстку заячью и перышки,
То-же самое продѣлала
И съ косымъ, и съ рѣзвой пташкою.

Тутъ ужъ царь, узнавъ всю истину,
Повелѣлъ казнить обманщика,
А гонца Семена-малаго,
Повѣнчавъ съ красой-царевною,
Объявилъ своимъ наслѣдникомъ.

СКАЗКА

объ уткѣ — золотыя перышки, о свинкѣ — золотой
щетинкѣ и о златогривой кобылицѣ.

Не на небѣ — на землѣ,
Не въ слободѣ, а въ селѣ
Жилъ да былъ вдовецъ крестьянинъ,
Православный христіанинъ;
У крестьянина дѣтей
Было трое сыновей:
Старшій — умный, работающій,
Средній — дѣльный, негулящій,
А послѣдній — дурачокъ.
Вотъ однажды старичокъ
Заболѣлъ и, умирая,
Молвилъ дѣточкамъ: — „Когда я
„Отойду изъ жизни сей —
„На могилкѣ на моей
„Вы три ночи просидите,
„Да смотрите, — не засните“.

Схоронивши старика,
Межъ собою три сына
Тотчасъ жребіемъ рѣшили

Дураку идти къ могилѣ;
Тотъ отправился въ дозоръ.
Въ полночь самую бугоръ
Надъ покойникомъ раскрылся
И старикъ вдругъ появился:
— „Кто сидитъ?“ — „Я — сынъ меньшей“.
— „Ну, сиди, Господь съ тобой!“

Ночь другая наступаетъ,
Старшій жребій вынимаетъ
И такъ молвить дураку:
„На могилу къ старику
„За меня, дуракъ, сходи-ка“.
— „Да, сходи! А ты гляди-ка,
„Что за страсть тамъ по ночамъ!“
— „Ну, иди, — сапожки дамъ!“
Дурень тотчасъ согласился.
Въ полночь вновь старикъ явился:
„Кто сидитъ?“ — „Я — сынъ меньшей“.
— „Ну, сиди, Господь съ тобой!“

Третья ночка наступаетъ....
Братъ середній умоляетъ
Дурака идти сидѣть.
— „Да, поди-ка! Страшно-вѣдь:
„Мертвецы кричатъ, дерутся..
„До меня какъ доберутся—

„Не надышешь много тамъ!“

— „Шанку красную тѣ дамъ!“

Дурень только почесался

И на кладбище собрался.

Вотъ сидитъ онъ третью ночь

И, какъ въ прежнія, точь въ точь,

Холмъ могильный вдругъ раскрылся

И покойникъ появился:

„Кто сидитъ?“ — „Я — братъ меньшей“.

— „Ну, седи, Господь съ тобой!“

„За примѣрное-жъ терпѣнье

„Вотъ тебѣ благословенье“.

И три конскихъ волоска

Суетъ въ руки дурака.

Вышелъ тотъ въ мѣста глухія,

На луга заповѣдныя,

Волосъ конскій припалилъ,

Крикнулъ громко, что есть силъ:

— „Эй, конекъ мой, сивка-бурка,

„Чудо, вѣщая каурка,

„Стань сейчасъ-же предо мной,

„Словно листъ передъ травой!“

Вихремъ мчится сивка-бурка,

Чудо, вѣщая каурка,

Изо рта огнемъ палить,

Изъ ушей дымъ-сѣръ валить.

Звонко, весело проржала

И, какъ вкопаная, стала.
Влѣзъ дуракъ въ одно ушко—
Угостился широко;
Влѣзъ въ другое—нарядился
И красавцемъ объявился,
Да такимъ, что ни сказать,
Ни перомъ не написать!

Кличетъ царь могучимъ кликомъ:
— „Кто царевнѣ Милолицѣ
„Поцѣлуй въ ея окнѣ
„Дастъ съ разлету на конѣ—
„Тотъ возьметъ ее женою,
„Съ полуцарствомъ и казною“.

Братья въ городъ собрались,
Дурака звать принялись.
— „Не поѣду! Лучше въ полѣ
„Галокъ я набью поболѣ,—
„Псамъ хоть будетъ на обѣдъ“.
Усмѣхнулись тѣ въ отвѣтъ
И отправились дорогой.

Выждавъ времени немного,
Дурень волосъ принализъ,
Крикнулъ громко, что есть силъ:
— „Эй, конекъ мой, сивеа-бурка,
„Чудо, вѣщая каурка,
„Стань сейчасъ-же предо мной,

„Словно листь передь травой!“

Вихремъ мчится сивѣа-бурка,
Чудо, вѣщая каурка.

Изо рта огнемъ палить,
Изъ ушей дымъ-сѣръ валить.

Звонко, весело проржала

И какъ вкопаная, стала.

Влѣзъ дуракъ въ одно ушко—

Угостился широко;

Влѣзъ въ другое—нарядился

И красавцемъ объявился.

Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ,

Въ бокъ коня ногой толкнулъ—

Выше горъ конекъ махаетъ,

Гривой доли застилаетъ;

Въ стольный городъ прикатилъ,

Черезъ заборъ перескочилъ,

Черезъ другой—не стало силы..

Братья къ дому прикатили,

Дурня дразнятъ и корятъ:

— „Вотъ не съѣздилъ: что за хватъ,

„Что за мѳлодецъ красивый

„Пріѣзжалъ—такъ всѣмъ на диво!“

— „Да не я-ль то, братцы, былъ?“

— „Гдѣ-бъ коня-то ты добылъ?“

„Вѣдь съ тобой умора просто,—

„Оботри-ка лучше носъ-то!“

Снова братья собрались,
Дурака звать принялись.

— „Не поѣду! Лучше въ полѣ
„Галокъ я набью поболѣ—
„Псамъ хотъ будетъ на обѣдъ“.

Братья плюнули въ отвѣтъ
И отправились дорогой.

Выждавъ времени немного,
Дурень волосъ припалилъ,
Крикнулъ громко, что есть силъ:
— „Эй, конекъ мой, сивка-бурка,
„Чудо, вѣщая каурка,
„Стань сейчасъ-же предо мной,
„Словно листъ передъ травой!“

Вихремъ мчится сивка-бурка,
Чудо, вѣщая каурка,
Изо рта огнемъ палить,
Изъ ушей дымъ-сѣръ валить.
Звонко, весело проржала
И, какъ вкопаная, стала.
Влѣзъ дуракъ въ одно ушко —
Угостился широко;
Влѣзъ въ другое—нарядился
И красавцемъ объявился.
Сѣлъ верхомъ, ногой толкнулъ, —
Двѣ ограды промахнулъ,
А на третьей оборвался

И назадъ домой собрался;
Отпустилъ коня гулять
И улегся отдыхать.

Братья съ праздника явились
И надъ дурнемъ поглумились:
— „Вотъ ты пусто пролежалъ,
„А сегодня прїѣзжалъ
„Молодецъ еще смѣлѣе,
„И красивѣй, и стройнѣе“.
— „Да не я-ль то, братцы, былъ?“
— „Эхъ, дуракъ, ты прежде-бъ смылъ
„Грязь да пыль съ заплывшей рожи!
„Вишь: въ красавцы лѣзетъ тоже!“

Снова братья собрались,
Дурака звать принялись:
— „Нынче витязь не сорвется
„И до цѣли доберется“.
— „Ну, чего я не видалъ!“
Дурень братьямъ отвѣчалъ:
„Не поѣду! Лучше въ полѣ
„Галокъ я набью поболѣ—
„Псамъ хоть будетъ на обѣдъ“.
Братья плюнули въ отвѣтъ
И отправились дорогой.

Выждавъ времени немного,
Дурень волосъ припалилъ,

Крикнулъ громко, что есть силъ:

„Эй, конекъ мой, сивка-бурка,

„Чудо, вѣщая каурка,

„Стань сейчасъ-же предо мной,

„Словно листь передъ травой!“

Вихремъ мчится сивка-бурка,

Чудо, вѣщая каурка,

Изо рта огнемъ палить,

Изъ ушей дымъ-сѣръ валить;

Звонко, весело проржала

И, какъ вкопаная, стала.

Влѣзъ дуракъ въ одно ушко—

Угостился широко;

Влѣзъ въ другое—нарядился

И красавцемъ объявился.

Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ,

Въ бокъ коня ногой толкнулъ,—

Выше горъ конекъ махаеъ,

Гривой доли застилаеъ;

Три ограды проскакалъ,

Царску дочь поцѣловалъ;

А царевна молодая,

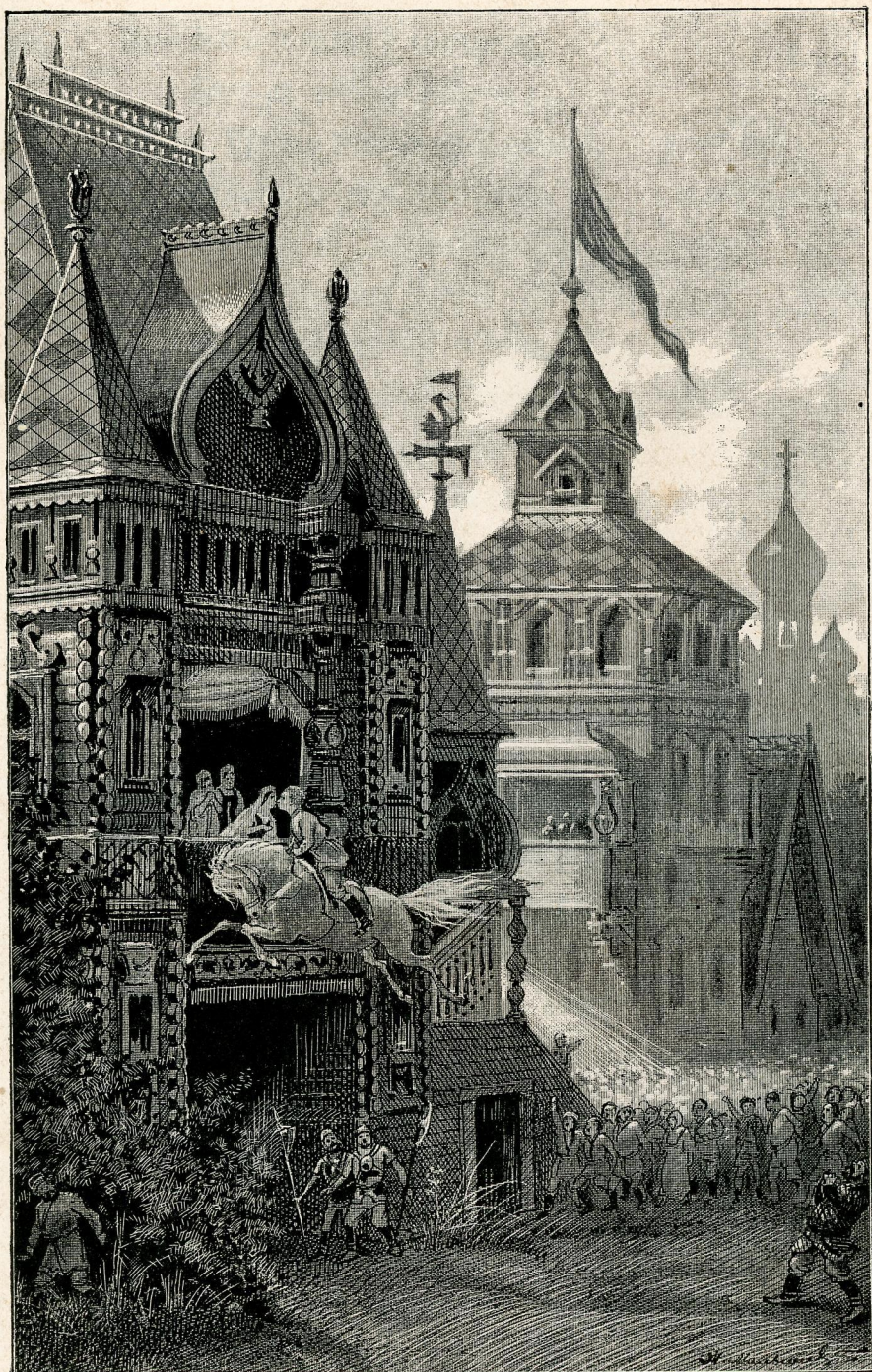
Ни минуты не теряя,

Молодца въ красивый лобъ

Золотымъ колечкомъ хлопъ!

Дурень къ дому воротился,

Съ вѣрнымъ спутникомъ простился,

Лобъ тряпицей обвязалъ,
Легъ на печь и задремалъ.
Братья вскорѣ пріѣзжаютъ,
Дурака съ печи толкають:
— „Вотъ ты ѣхать не хотѣлъ,
„А сегодня пролетѣлъ
„Молодецъ чрезъ всю ограду
„И дочь царскую въ награду
„Съ полуцарствомъ получилъ!“
— „Да не я-ль то, братцы, былъ?“
— „Гдѣ тебѣ, дуракъ, такою
„Похваляться красотою, —
„Лучше-бъ носъ-то утиралъ!“
Дурень вмигъ тряпицу снялъ —
И вся хата освѣтилась,
Словно солнышко вкатилося!
„Ахъ“ да „охъ!“ — разѣли ротъ
А дуракъ имъ: — „То-то, вотъ,
„Надо мною все смѣялись —
„Въ дуракахъ теперь остались!“

Созываетъ царь на пиръ
Православный русскій міръ:
Баръ сановныхъ, родовитыхъ,
И торговцевъ именитыхъ,
Молодыхъ и стариковъ,
Богачей и бѣдняковъ;

А при томъ честномъ народѣ,
Дачь царевна на свободѣ
Станетъ мужа выбирать,
Перстенежъ ему вручать.

Стали братья собираться,
Женихами выражаться,
А дуракъ себѣ лежитъ,
Братьямъ съ печи говорить:
— „Вотъ теперь и не зовите,
„Самъ поѣду—поглядите“.
Лобъ тряпицей обвязалъ,
Рукавицы, шапку взялъ,
Ко дворцу бѣжать пустился
И за печку тамъ забился.

Царь съ царвною вошелъ,
По гостямъ ее повелъ;
Ихъ виномъ она обноситъ,
На здоровье кушать проситъ.
Всѣхъ царевна обнесла
И какъ къ печкѣ подошла—
Дурака тамъ увидала:
На лицѣ и грязь, и сало,
Волоса стоятъ вихромъ,
Перевязанъ лобъ тряпьемъ.
Дурня вывела царевна
И хотъ царь глядѣлъ и гнѣвно,
Перстенежъ ему дала,

Мужемъ милымъ назвала.

Царь на дочку разсердился,
Но, подумавъ, согласился:
Слово царское—законъ!
Приказалъ придворнымъ онъ
Жениха себѣ представить,
И немедля свадьбу справить.
У царя чего зѣвать,
Дѣлу не зачѣмъ стоять!
Живо все охлопотали
И царевну обвѣнчали.

У царя до свадьбы сей
Было двое зятей.
Царь ихъ какъ-то призываетъ
И приказъ имъ объявляетъ:
—„Бѣхать съ утренней зарей
„Въ дальній лугъ заповѣдной;
„Тамъ гуляетъ чудо-птица,
„Съ золотымъ перомъ утица,—
„Утку дивную найти
„И немедля привезти“.
Наградилъ ихъ царь казною,
Всей одеждой боевою,
Двухъ коней велѣлъ подать,
Сбруей ратной осѣдлатъ.
—„Дай мнѣ, батюшка, хоть клячу!

„Можетъ я рѣшу задачу!“

Дурень тестю говоритъ.

Царь со смѣхомъ дать велитъ

Лошаденку чуть живую.

Дурень на спину худую

Взобрался, къ хвосту лицомъ,

Къ мордѣ задомъ, и потомъ,

Взявши хвостъ одной рукою,

Клячу по боку другою

Сталъ усердно погонять,

И неистово кричать:

— „Ну тащися, кормъ собачій.“

Въ поле въѣхавъ, шкуру съ клячи

Снялъ и птицамъ закричалъ:

„Батъка корму вамъ прислалъ!“

Налетѣла, словно туча,

Воронья и галокъ куча,

И давай сырье клевать.

А дуракъ сталъ бурку звать:

— „Эй, конекъ мой, сивка-бурка,

„Чудо, вѣщая каурка.

„Стань сейчасъ-же предо мной,

„Словно листъ передъ травой!“

Вихремъ мчится сивка-бурка,

Чудо, вѣщая каурка,

Изо рта огнемъ палить.

Изъ ушей дымъ-сѣрь валить.

Звонко, весело проржала
И, какъ вкопанная стала.
Влѣзъ дуракъ въ одно ушко —
Угостился широко;
Влѣзъ въ другое — нарядился
И красавцемъ объявился.
Утку дивную добылъ,
Золотой шатерь разбилъ;
Самъ сидитъ въ немъ, поджидаетъ,
Возлѣ уточка гуляетъ.
Наѣзжаютъ зятевя:
— „Кто въ шатрѣ?“ — „А хоть-бы я!“
Имъ въ отвѣтъ дуракъ смѣется.
— „А утица продается?“
— „Нѣтъ, завѣтная она!“
— „А завѣту какъ цѣна?“
— „По мизинцу съ рукъ довольно“.
Согласились, хоть и больно
Было пальцы отрѣзать;
Утку взяли — и бѣжать! —

Снова царь ихъ призываетъ
Приказанье объявляетъ:
„— Ъхать съ утренней зарей
„Въ дальній лугъ заповѣдной;
„Ходить тамъ въ болотѣ свинга —
„Золотистая щетинка;

„Свинку ту сейчасъ достать“.
Двухъ коней велѣлъ имъ дать;
Дураку-жъ—опять кляченку,
Чуть живую лошаденку.
Дуреньшку съ нея снялъ,
Птицамъ тотчасъ прокричалъ.
Налѣтѣла, словно туча,
Воронья и галокъ куча,
И давай сырье клевать;
А дуракъ сталъ бурку звать:
—„Эй, конекъ мой, сивка-бурка,
„Чудо, вѣщая каурка,
„Стань сейчасъ-же предо мной,
„Словно листъ передъ травой!“

Вихремъ мчится сивка-бурка,
Чудо, вѣщая каурка,
Изъ рта огнемъ палить,
Изъ ушей дымъ сѣръ валить;
Звонко, весело проржала
И, какъ вкопаная, стала.
Влѣзъ дуракъ въ одно ушко—
Угостился широко;
Влѣзъ въ другое—нарядился
И красавцемъ объявился.
Свинку дивную добылъ,
Золотой шатеръ разбилъ;
Самъ сидитъ въ немъ, поджидаетъ,

Свинка около гуляетъ.

Наѣзжаютъ зятевя:

— „Кто въ шатрѣ?“ — „А хоть-бы я!“

Имъ въ отвѣтъ дуракъ смѣется.

— „Свинка эта продается?“

— „Нѣтъ, завѣтная она!“

— „А завѣту какъ цѣна?“

— „Да по пальцу съ ногъ довольно“.

Согласились, хоть и больно

Было пальцы отрѣзать;

Свинку взяли — и бѣжать!

Утромъ царь ихъ призываетъ,

Вновь приказъ имъ объявляетъ:

— „Въ степь отправиться, найти

„И немедля привезти,

„Той степи красу и силу —

„Златогривую кобылу“.

Далъ зятѣямъ лихихъ коней,

Дурню-жъ выбралъ помирнѣй:

Лошаденку чуть живую.

Дурень на спину худую

Взобрался, къ хвосту лицомъ,

Къ мордѣ задомъ, и потомъ,

Взявши хвостъ одной рукою,

Клячу по боку другою

Сталъ усердно погонять,

Со двора ее стонять:

— „Ну тащися, кормъ собачій!“

Въ поле въѣхавъ, шкуру съ клячи

Снялъ и птицамъ закричалъ:

„Батъка корму вамъ послалъ!“

Налетѣла, словно туча,

Воронья и галокъ куча,

И давай сырье клевать;

А дуракъ сталъ бурку звать:

„Эй, конекъ мой, сивка-бурка,

Чудо, вѣщая каурка,

„Стань сейчасъ-же предо мной,

„Словно листь передъ травой!“

Вихремъ мчится сивка-бурка,

Чудо, вѣщая каурка;

Изо рта огнемъ палить,

Изъ ушей дымъ-сѣрь валить;

Звонко, весело проржала

И, какъ вкопаная, стала.

Влѣзъ дуракъ въ одно ушко—

Угостился широко;

Влѣзъ въ другое—нарядился

И красавцемъ объявился.

Сталъ онъ буркѣ говорить:

— „Царь велѣлъ теперь добыть,

„Всей степи красу и силу —

„Златогривую кобылу“.

— „Это будетъ мудренѣй,
„Чѣмъ задачи прежнихъ дней,“—
Отвѣчаетъ сивка-бурка,
Чудо, вѣщая каурка:
„Девять прутьевъ закажи,
„По три штуки ихъ свяжи,
„Изъ желѣза, мѣди, стали;
„Да прочнѣе чтобъ ковали.
„Станетъ мыкаться за мной
„Кобылица часъ-другой,
„Послѣ гнаться перестанетъ
„И на землю падать станетъ;
„Вотъ, тогда ты не зѣвай, —
„Вмигъ добычу осѣдай
„И ее тремя пучками
„Колоти между ушами
„До тѣхъ поръ, пока въ куски
„Не истреплешь ты пучки“.

Сдѣлалъ все дуракъ исправно,
Отхлесталъ кобылу славно
И арканъ ей нацѣпилъ,
Золотой шатеръ разбилъ,
Самъ сидитъ въ немъ, поджидаетъ,
За добычей наблюдаетъ.
Наѣзжаютъ зятьевья:
— „Кто въ шатрѣ?“— „А хоть-бы я!“
Имъ въ отвѣтъ дуракъ смѣется.

— „А кобыла продается?“
— „Нѣтъ, завѣтная она!“
— „А завѣту какъ цѣна?“
— „По ремню изъ спинъ довольно!“
Согласились, хоть и больно
Было кожу вырѣзать;
Лошадь взяли—и бѣжать!

Царь на пиръ къ себѣ сзываетъ,
Всѣхъ по царски принимаетъ;
Стали гости пировать,
Яства, вина выхвалять.
Вдругъ дуракъ ремни, мизинцы,
Зятевей большихъ гостинцы,
Вынимаетъ и кладетъ
И такую рѣчь ведетъ:
— „Это—свинка, то—утица,
„А вотъ это—кобылица“.
— „Что ты мелешь тамъ, дуракъ?“—
Крикнулъ царь.— „Да вѣрно такъ:
„Пусть зятя перчатки снимутъ,
„Руки правыя поднимутъ“.
Царь велѣлъ—и вдругъ (о страхъ!)
Нѣтъ мизинцевъ на рукахъ!
— „Это взялъ я съ нихъ за птицу!
„Съ золотымъ перомъ утицу!“
Дурень тестю объяснилъ;

Пальцы къ ранамъ приложилъ—

И срослись тѣ, залечились...

—„Ну, теперь-бы потрудились

„Зятевья сапожки снять“.

Царь велѣлъ—и вотъ опять

На ногахъ по пальцу нѣту!

—„Это я за плату эту

„Свинку-чудо уступилъ!“

Пальцы къ ранамъ приложилъ—

И срослись тѣ, залечились...

—„Ну, теперь-бы не стыдились

„Зятевья сорочки снять“.

Царь велѣлъ—и тотчасъ глядь:

Снять ремень по поясицу!

—„Это я за кобылицу!“

Дурень тестю доложилъ;

Взялъ ремни и приложилъ

Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ихъ срѣзали;

Спины тотчасъ цѣлы стали...

Пристыдивши зятевей,

Дурень тестя и гостей

Изъ дворца повелъ на волю

И, пришедши къ чисту полю,

Волосъ конскій припалилъ,

Гласомъ зычнымъ возопилъ:

—„Эй, конекъ мой, сивка-бурка,

„Чудо, вѣщая каурка,

„Стань сейчасъ-же предо мной,
„Словно листъ передъ травой!“

Вихремъ мчится сивка-бурка,
Чудо, вѣщая каурка,
Изо рта огнемъ палить,
Изъ ушей дымъ-сѣрь валитъ;
Звонко весело проржала
И, какъ вкопаная, стала.
Влѣзъ дуракъ въ одно ушко—
Угостился широко;
Влѣзъ въ другое—нарядился
И красавцемъ объявился
Да такимъ, что ни сказать.
Ни перомъ не описать!

Зажилъ онъ съ тѣхъ поръ съ женою
Жизнью царской, не простою,
Сталъ на тройкѣ разѣзжать,
На пиры къ себѣ сзывать.
На пиры насъ приглашали,
Пивомъ, медомъ угощали;
Но, какъ много я ни пилъ
Только усъ свой обмочилъ.

